

Михаил
СЕРЕГИН

ПУТАНА: кукла для утех

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин

Кукла для утех

Серия «Путана»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167309

М.Серегин Кукла для утех. Прекрасная попрошайка: Эксмо; Москва;

2001

ISBN 5-04-007316-X

Аннотация

Ряд загадочных смертей потрясает городское население. В разных местах, но одинаково неожиданно умирают от «сердечной недостаточности» крупный нефтеторговец, автомобильный магнат, директор крупного торгового комплекса. Известная в городе путана Дада, рядом с которой сидел один из них и скончался у нее на глазах, чтобы снять с себя подозрение в причастности к этой смерти, берется за расследование.

Михаил Серегин

Кукла для утех

Молнией пронзивший все тело удар в пах заставил его застонать и схватиться за промежность, забыв о противнике. Как только он наклонил голову и опустил руки, его бросились добивать. Прямо тут же в тюремном дворе во время прогулки.

Ему скоро покидать зону, очень скоро, можно по пальцам сосчитать часы и даже минуты. Завтра он будет уже на воле. Они знают об этом и стараются вовсю, из кожи вон лезут. Шесть лет оттрубил – никто не трогал, а теперь вот попал под пресс.

Одиночный выстрел разорвал тяжелое сопение и хеканье. «Опомнились, суки. А до этого вроде не видели, что человека мордуют».

Больше не били.

Он лежал, скорчившись на холодной бетонной плите, зная, что жив и что завтра выйдет отсюда. Все, срок.

Один старый и очень хороший вор говорил ему:

«Сынок, решай все свои проблемы в зоне. Не давай повода тем, кто сидел с тобой, цеплять тебя по жизни. Этого ты сможешь добиться не под юбкой у бабы, которую ты непременно, сынок, будешь трахать, как только выйдешь отсюда, а именно здесь, на зоне. Не важно, каким ты был, главное,

каким тебя запомнят. Если не смог отвоевать себе немного свободного места под общим солнцем, жди гостей. Они отсидают свое и выйдут следом. И если ты был под ними, так под ними и останешься. Будет очень трудно убедить их, что у тебя неожиданно выросли стальные яйца».

Он сел, преодолевая боль, и утер струйку крови, текущую по подбородку. Разбили губы. С носом все нормально, даже удивительно. У него осталась всего одна ночь. Время для мести еще есть. Ответить?..

Рысаков Алексей Сергеевич был освобожден из-под стражи на следующий день после того, как ему попортили физиономию.

Утро не было солнечным, но особо он и не переживал. Ему подойдет и серое. Вполне достаточно того, что один из тех, кто вчера «прикладывал» его, сегодня переселился в морг.

* * *

Полумрак ресторана, приглушенная музыка казались Рысакову раем. После долгих лет неволи он попал в мир дорогих костюмов и шикарных платьев. Здесь от каждого пахло не трухой или парашей, а дорогими духами. Здесь никто не толкал тебя в бок, если ты мешаешь ему пройти к своему столику. Он смотрел на радующихся жизни людей и все еще не мог поверить, что он тоже находится среди них. Перед

ним стояла открытая бутылка пива, а в тарелке, кроме раков, ничего не было. В этом было что-то вызывающее – завалиться в один из самых дорогих ресторанов города и заказать себе лишь пиво и гору раков.

За все годы отсидки он ни о чем другом и не мечтал. Разве только о нежной, молоденькой девочке, но это он еще спроворит обязательно, и не позже чем нынче вечером.

Глотнув пивка, Алексей принялся разделять очередную вареную тушку рака. Хитин захрустел, и красный хвост отломился. Вскоре он уже растирал зубами нежное, сочное мясо.

Ресторан ему нравился. Здесь, как и шесть лет назад, царил полумрак. Люди, находясь в одном зале, не могли видеть лиц друг друга, а музыка, льющаяся из множества развешанных по стенам динамиков, заглушала беседу за соседним столом. Зал освещали маленькие электрические лампочки, стилизованные под свечи. Одной свечи на один столик было вполне достаточно, чтобы посетители не натыкались друг на друга, пустующие стулья и столики. После третьей бутылки Алексей отклонился на спинку стула и признался сам себе, что забыл эту приятную тяжесть в желудке и ощущение легкого, ненавязчивого хмеля в голове. Он не собирался свой первый вечер на воле проводить за столом. После пива хорошо бы употребить женщину. На десерт. В полумраке он принялся высматривать одинокую искательницу приключений, проще говоря, дежурную проститутку, но тут же решил, что

это ему было не с руки. Раздумывая, куда бы ему податься на поиски хорошенькой лебедушки, он вышел из ресторана и двинул по Московской в сторону Волги. В двенадцатом часу ночи на осенние улицы высыпало множество мечтающих подзаработать девочек, он знал об этом. Но снимать малолетнюю «спидолу» прямо с улицы не собирался.

Протопав больше километра и надышавшись свежим прохладным воздухом, Рысаков заметил голосующую на другой стороне дороги блондинку. Девушка, судя по всему, была выше его ростом, но этот факт не смутил его, совсем даже наоборот.

Еще в подростковом возрасте, когда Алексей встречал высокую кралу, он терял контроль над собой и не упускал возможности заговорить, даже если она была намного старше его. Сейчас же он увидел молоденькую красотку, которую, по непонятной ему причине, никак не подбирали с обочины дороги водители.

– Никак уехать не можете? – поинтересовался Рысаков после того, как перешел на другую сторону дороги, поближе к блондиночке.

Она недовольно глянула на него и снова подняла руку. Не смутившись выказанным пренебрежением к его персоне, Алексей подошел к ней вплотную, загородив собой дорогу.

– Как тебя зовут, красавица? – поинтересовался с улыбкой.

Перестав голосовать, блондинка посмотрела на него свер-

ху вниз.

– И ты думаешь, мальчик, что мы с тобой будем жить долго и счастливо?

– Да, милая моя, – он протянул руки и обнял ее за талию, – меня Лешей зовут.

– Ну и наглый ты, Леша, – она уперлась в его грудь руками и на мгновение разорвала объятия.

Рысаков видел, что если ему и противятся, то очень слабо, а вялое сопротивление – часть женской натуры. Спустя несколько секунд после того, как симпатичная козочка открыла свой ротик, он уже знал, что она будет его. Слово за слово, и вот они уже идут по улице, обмениваясь впечатлениями о неожиданно теплой осени.

Она – высокая стройная блондинка с волосами, обрезанными на уровне плеч, с миниатюрным курносым носиком, припухлыми губками и широкими карими подведенными глазками, и он – небольшого росточка, худой после казенных харчей, вырвавшийся на свободу, хлебнувший по полной человек.

Рысаков сам себе не мог поверить, что ему удалось снять такую красивую девочку. Каждый раз, когда он смотрелся в зеркало, он видел перед собой далеко не супермена и не киногероя. Голубые зрачки, стреляющие из-под тяжелых, нависающих бровей, – что может быть отвратительнее. Нос картошкой, тонкие губы и вместе с тем широкие скулы. Прямо скажем, не фонтан.

Но за все годы недолгой двадцатишестилетней жизни с ним не случилось одной важной вещи – он не приобрел комплексов. Несмотря на свой мрачный вид, Рысаков шел от начала и до конца, успевая везде, всегда и во всем. Он брал смелостью и нахрапистостью, тем, чего большинству других людей, по его собственному мнению, не доставало.

За долгие месяцы, проведенные в неволе, он стал более начитанным, более умным, нежели прежде. Его посадили, когда он учился на четвертом курсе университета. Занимался химией. Никто не мог поверить, что один из лучших, подававших надежды студентов попал в криминальную историю.

Шесть лет назад Рысаков прямо в собственной комнате, можно сказать, на глазах одинокой матери, которая умерла, пока он был в заключении, сделал наркотик, который просто валил с ног человека и после двух приемов внутрь вызывал сильнейшую зависимость.

Как выяснилось позднее, у этой дряни оказался сильный побочный эффект – после пятого или шестого приема у человека резко съезжала крыша и на всю свою оставшуюся жизнь он превращался в дебила. Это Рысаков выяснил, выбрав в качестве подопытного кролика хронического алконавта, обитающего напротив.

Однажды вечером он предложил сорокалетнему соседу Евсеичу попробовать зелье, сказав, что в сочетании с алкоголем эта вещь накроет его по полной программе. За досто-

инство препарата студент-химик выдал тот факт, что много водки не требуется – пятьдесят граммов столичной плюс щепотка порошка, и ты уже отъезжаешь в другую галактику.

Эффект, произведенный химией на его сознание, Евсеич оценил: на следующий день он отирался у порога Алексея с денежкой в руках, умоляя дать еще. Бедный, в прямом смысле этого слова, студент почувствовал запах денег и с превеликим удовольствием отмерил соседу очередную дозу. Язык у Евсеича в те периоды, когда наступало просветление от дурмана, работал вовсю. Очень скоро у порога Алексея крутился не только сосед, но и все его собутыльники.

Потом случилось несчастье. Евсеич в одно прекрасное утро не смог найти выход из собственной квартиры. После чего его по-тихому увезли в дурдом, посчитав помешательство следствием постоянного и беспробудного пьянства. На следующий день в соседнем подъезде другой алкоголик сдвинулся по фазе, но, в отличие от Евсеича, смог оклематься и заявить о нелегальном бизнесе господина студента в милицию.

Лабораторию Алексея быстро накрыли и насобирали достаточное количество вещественных доказательств, позволяющих обвинить его в производстве, хранении и сбыте наркотиков.

Прокурору осталось только помахать в суде полиэтиленовыми пакетиками с порошком, чтобы предрешить исход дела. Кроме того, приплюсовали и нанесение вреда здоровью

граждан, пусть даже и алкоголиков. Суд учел возраст подсудимого, его раскаяние, долгий и непонятный рассказ о том, что он и не думал получать данное вещество, которое оказалось побочным продуктом некоей реакции полимеризации.

Попав за решетку, Рысаков не перестал учиться и заниматься химией. Возможности ставить опыты у него не было, но время читать книги он находил. Спустя шесть лет Алексей был прекрасно подкован теоретически. Он даже подозревал, что знает не меньше какого-нибудь университетского профессора.

В местах, где он сидел, знали, что у него за статья. Время от времени к нему подсаживали визитера от какого-нибудь клана с предложениями о долговременном и взаимовыгодном сотрудничестве. Ему приходилось дипломатически отказывать. В некоторых случаях – уступать и писать формулу вещества. Для себя это органическое соединение Рысаков окрестил «жгучим ядом». После того как Алексей писал формулу, он не забывал предупредить человека, который получал от него кусок бумажки, что эта дрянь убивает любого после шестого или седьмого употребления и поэтому абсолютно неэффективна в наркобизнесе, где одному наркоману, перед тем как он отправится на тот свет, желательно втянуть как можно больше доз.

Алексей не мог забыть то время, когда он производил «жгучий яд» у себя на квартире. За несколько дней он смог заработать больше, чем его мать за месяц. Попав в неволю,

Рысаков поставил перед собой задачу получить вещество более мягкого действия. Еще не создав его, он дал ему название – «мягкий яд».

Спустя долгие годы теоретических расчетов у него на руках остались толстые, исписанные мелким и аккуратным почерком тетради. Основываясь на собственных записях, он собирался, выйдя на свободу, ставить эксперименты. На отдых и развлечения Рысаков положил себе месяц, после чего собирался вплотную заняться химией.

У крали, которую он подцепил, было красивое имя – Вера. С Верой они зашли в какой-то бар, работающий всю ночь, и просидели там почти до самого утра.

Около шести, когда рассвет только-только начинался, он привез ее к себе в двухкомнатную квартиру и предложил выпить. За ночь они оба очень устали, и в постели у них толком ничего не получилось, но к двенадцати дня Рысаков показал себя настоящим мужчиной, и дело, как говорят, заладилось.

Вера почувствовала, что этот человек может доставлять ей истинное удовольствие, и не отходила от него ни на шаг. К его чести, он старался, насколько мог, обеспечивать ее деньгами и относился к Вере как к дорогому человеку. Спустя пару месяцев, когда опыты были в самом разгаре, он поймал себя на мысли, что высокая и своенравная блондинка начала ему надоедать. Эта мысль, мелькнувшая всего один раз, застряла в голове навсегда.

Вскоре был получен неплохой результат. Испытания, про-

веденные на дворовой собаке, которую Рысаков отловил на улице и приручил, оценивались им самим как положительные. Даже после десяти приемов животного с ума не сходила, вполне его понимала и не выказывала никакого беспокойства, кроме тех часов, когда заканчивалось действие предыдущей дозы.

Однажды вечером он положил в карман пару пакетиков и, оставив Веру (которая с недавних пор стала жить у него) смотреть телевизор, вышел на улицу. Найти продавцов наркотиков не составило труда. Этот вопрос он успел прозондировать раньше и теперь точно знал, в каком месте и в какие часы тусуются мелкие дилеры.

Здание кинотеатра в самом центре города было превращено в дискотеку. Название оставили прежним – «Огненный». В этом самом «Огненном» молодежь тусовалась ночи напролет, не забывая подогревать себя спиртным и наркотиками. Алексей встал напротив входа в дискотеку и стал внимательно наблюдать за всеми, кто входит в здание и покидает его.

Очень скоро глаза намозолил некий тип, чей возраст уже нельзя было назвать юношеским. Он время от времени подходил то к парням, то к девчонкам, спрашивал их о чем-то и, случалось, ненадолго исчезал с ними в дискотеке. Затем снова появлялся на улице и продолжал расспросы.

Рысаков не стал ждать, пока мужик спросит его, и сам подошел к маленькому крепышу с огромной головой на сутулых плечах.

– Наркота есть? – поинтересовался Алексей.

Тот энергично затряс головой, так что косматая, черноволосая шевелюра интенсивно заходила из стороны в сторону. Они вошли в туалет, где торговец скрылся за дверью одной из кабинок, после чего появился с пакетиком в руках...

«Мудро, – подумал Алексей, – при себе наркотиков не держит, берет со склада».

Купив дозу, одаренный химик поинтересовался, не хочет ли мужик поработать на него.

– Есть отличная дрянь. Пиплы хавать будут с треском.

Большеголовый задумался, внимательно посмотрел в глаза и не спешил с ответом.

– Что смотришь? – Рысаков ухмыльнулся, пытаясь разрядить напряжение. – Если бы я был мент, то тебя бы уже взяли.

Он увидел, как морщины на лице слегка рюхнувшегося дилера разглаживаются.

– Говори, – сказал большеголовый, – только недолго, у меня смена в самом разгаре.

Алексей был настолько любезен, что изложил суть дела за две минуты. Продавец выслушал его с явным интересом и дал согласие попробовать. Рысаков вынул несколько пакетиков и отдал завербованному распространителю продукции.

Мужик представился как Дима. Просто Дима, и ничего больше. Дима быстренько засунул товар в карман и стал внимательно слушать советы Рысакова.

– Вот тебе на пробу. Возьмешь какого-нибудь постоянно-го клиента из своих и скормишь ему. На третий раз он прибежит к тебе и будет душу продавать, лишь бы ты дал ему именно вот это. Ни героин, ни ЛСД этот порошок не заменят. Не исключено, что от них ему станет только хуже.

Зрачки Димы расширились, и он заверил Алексея, что непременно так и сделает.

Положительный результат был достигнут через неделю. Человек привязался к большеголовому, постоянно нечесанному Диме и исправно через день нес ему деньги.

Узнав об этом, Рысаков предложил расширить дело и теперь исправно ссужал розничному торговцу по двадцать пакетиков в день.

Шло время. Партнеры закореслились и решили отметить удачный бизнес в ресторане.

Как водится, Алексей взял с собой Веру. Тогда он еще не знал, что пожалеет об этом. У Димы весь вечер лились в тарелку слюни, и он не спускал своих черных глаз с красавицы.

На следующий день Рысаков закончил пораньше и вернулся домой из лаборатории не в пять, а в четыре. Дима так и не смог ему объяснить, почему на нем всего лишь брюки, притом не застегнутые. Вера же успела лишь накинуть на себя одеяло.

– Личные отношения не приносят пользу бизнесу, – спокойно изрек Алексей, прохаживаясь по комнате, пока Вера пыталась сесть на диван, не заголяясь при этом.

Он позволил Дмитрию одеться и уйти, а в следующие три минуты собрал все пожитки блондинки и выпроводил ее следом.

Деловых отношений с Дмитрием Рысаков тем не менее не прекратил. Он поставлял товар, забирал бабки и продолжал работать над улучшением свойств нового наркотика, стараясь сделать его еще мягче и безопаснее.

Без женщины было тяжело. Одно время он даже скучал по Вере и, чтобы развеять тоску, предпринял вылазку в кабак.

Спустившись вниз по лестнице в подвал, он увидел, что, составив несколько столов в ряд, гуляет братва. Больше двух шагов по залу ему ступить не дали.

– Закрыто! – крикнул официант, быстро проходя мимо с пустым подносом.

Действительно, в баре посетителей больше не было. Поняв, что заведение сняли на всю ночь, Рысаков развернулся и собрался уходить.

– Эй, мужик, постой! – крепкий баритон заглушил громко играющую музыку.

Рысаков повернулся и постарался разглядеть, кто же его окликнул.

– Иди, иди сюда, – человек, сидящий во главе стола, махал ему рукой. – Иди сюда, на свет, а то я тебя как следует разглядеть не могу.

Алексей приблизился к столу.

Широкоплечий и мордатый дядя поднялся, сообщил си-

дящим за столом, что он извиняется и должен поговорить с этим парнем. Вытерев руки салфеткой, бросил ее на стол и пошел навстречу Рысакову. Алексей, как ни старался, не мог вспомнить лица этого здоровяка.

– Привет, мужик, – поздоровался он. – Ты меня не помнишь? Я с тобой сидел на одной зоне всего месяц, но был в другом отряде. Ты вроде химик?

Для Рысакова данная встреча не была неожиданностью. Он морально подготовил себя к тому, что его могут узнать на воле те, с кем он сидел. Отпираться было бесполезно, да и бессмысленно.

– Да, ты не перепутал, и химию я тоже знаю.

– Отлично, – заулыбался розовощекий мордоворот. – У меня тут событие – день рождения, тридцать пять. Вроде, с одной стороны, дата, а с другой – не круглая.

Рысаков отметил уровень интеллекта собеседника. Угловатость выражений, почти армейский лексикон выдавали дядю с головой – высшим образованием и не пахло.

– Поздравляю, – ответил Рысаков.

– У меня к тебе разговор есть. Пойдем подышим воздухом.

Они вышли на улицу. Здоровяк предложил ему сигарету. Вообще-то Алексей не курил. Но в данном случае от предложения лучше было не отказываться.

– Давно откинулся? – поинтересовался мордатый.

– Да нет, – Алексей пожал плечами. – Три месяца прошло,

я еще не полностью адаптировался.

– Ясно. Ты химией продолжаешь заниматься или уже забросил? За время отсидки мозги усохли?

– А что, проблемы какие?

– Да так, есть одно дело. Ты там, на зоне, время от времени одну формулку рисовал. Вроде бы с помощью этой дряни человека можно по-тихому убрать...

– Ну, – промычал Рысаков.

– Да ты не жмись, – бык хлопнул его по плечу. – Я ж знаю, как ты разделался с одним из тех, кто тебя решил опустить. Вколол одной из горилл тамошнего авторитета что-то, тот и не проснулся. У него на заднице след нашли от укола. Но кто там, в морге, будет анализы проводить. Зона знает, но зона молчит, так что ты не трухай.

Алексей промолчал. Он не стал ни опровергать, ни подтверждать слова этого случайно встреченного в баре быка.

– Как тебя звать? – спросил здоровяк.

Пришлось назваться.

– Как с финансами?

– Перебиваюсь помаленьку.

– Знаешь, химик, у меня к тебе есть работа. Надо человеку внушить, что он не прав, причем сделать это так, чтобы он остался живой. Ты смог бы с помощью своих штучек заставить одного хера немного поумерить пыл?

Рысаков ничего не ответил.

– Понимаю, так вот сразу тяжело. Но ты не спеши, хоро-

шенько все обдумай, – мордатый протянул визитку. – Вот мои координаты, телефон, тут и домашний есть, звони в любое время. У меня очень большая проблема, и я думаю, что ты мне поможешь, плачу хорошо.

Света фонаря, горящего напротив бара, хватило, чтобы прочитать на визитке, что перед ним стоит Палец Игорь Франкович, президент группы «Дом».

– О! – не скрыв удивления Рысаков. – Не хило.

– Да, – согласился Игорь, – я откинулся два года назад и за это время успел подняться. Так что ты звони.

Он снова хлопнул Рысакова по плечу, выкинул бычок и, прощаясь, сообщил, что пошел продолжать праздновать собственный день рождения.

Вернувшись домой, Алексей покрутил в руках визитку и стал гадать, какое же вознаграждение этот Палец считает хорошим. На следующий день он знал уже все. Ему предлагали пятнадцать тысяч долларов за то, что он сделает директора нефтеперерабатывающего предприятия сговорчивым. Для этого Палец предлагал посадить Бадарова Марата Львовича на иглу.

– Что и как ты будешь делать, мне все равно. Я хочу, чтобы ты смог убедить его сливать на наши заправки клевое топливо. Пусть как хочет крутится, пусть списывает, ворует, в общем, это его проблемы.

Алексей, изображая понимание, кивал головой.

– К этому директору, в принципе, можно подобраться? –

спросил он.

Палец, сидя в собственном офисе, выпятил нижнюю губу.
– С ним круглые сутки охрана из пяти человек. Я встречался с ним один раз, но никакого разговора не получилось. Он пригрозил, что сотрет меня в порошок. Вот это я прощать не намерен. Можешь считать, что здесь и личные счеты.

Рысаков получил задаток – пять тысяч долларов – и выразил готовность поразмыслить над задачей. Этих денег ему вполне хватило на то, чтобы приобрести на автобазаре подержанный «Москвич-2141» белого цвета.

Разъезжая по городу на неприметном автомобиле, он позволил себе несколько раз пристроиться следом за джипом с охраной Бадарова. Сам Бадаров всегда ездил в сопровождении двух машин с телохранителями. Он сидел на больших деньгах, и меры предосторожности в его положении были совсем не лишними. Для того чтобы убедиться в справедливости слов Игоря о том, что к директору нефтяной базы просто так не подберешься, Рысакову потребовалась неделя. Было ясно как день: усадить Бадарова на иглу сможет лишь тот, кто близко знаком с ним, – один из его охранников, любовница, секретарша, жена, наконец, заместитель или же старый друг.

Интересно, принимает ли Бадаров по личным вопросам? Вполне возможно, но человека, воткнувшего шприц, тут же схватят, и ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Причем нужна не одна инъекция наркотика, а две.

Как правило, в три часа дня Дима появлялся в квартире Рысакова, приносил деньги за проданный товар и получал очередную партию. Дело Алексей намеренно не расширял. Он помнил, до чего довела его жадность в прошлый раз. Будь у него на руках качественный товар шесть лет назад, он озолотился бы очень-очень тихо, не привлекая внимания ни милиции, ни местных продавцов наркотиков.

Когда Дима в очередной раз принес ему выручку, Алексей спросил:

– Ты все еще живешь с этой белой шалавой?

Тот подтвердил кивком головы, высыпая на стол мятые бумажки.

– Чем она занимается?

– Да ничем.

– Плохо, – пожурил он. – Надо на работу устраиваться. Я тут ей и местечко присмотрел. Пусть придет ко мне, я ее проинструктирую, но вначале нам с тобой надо одно дельце обмозговать. Садись.

Усадив Диму за стол, Рысаков достал бутылку водки, откупорил ее и заставил большеголового и нестриженого толкача «дряни» выпить целый стакан.

– Ну как, хорошо тебе? – поинтересовался он, глядя, как Дима расслабляется.

– Отлично, – бодро сообщил подельник. – Только как я теперь работать буду?

– У кинотеатра ты сегодня вообще работать не будешь.

Есть куда более приятная вещь. Поедем, одну телочку напугаем, чтобы у нее язык и ноги отнялись.

– Зачем тебе Вера?

– Да не о ней речь, – успокоил его Рысаков. – Есть девчонка одна, хорошее место занимает. Если сделаем все как надо, Верка будет работать в отличном месте. Понял?

– Угу.

– Бабки нормальные будет получать, девка она не такая уж и малограмотная. Она в компьютерах понимает?

– Вряд ли, – неуверенно ответил Дмитрий. – Насколько я знаю, учебу она толком и не закончила.

– Ладно, – отмахнулся Рысаков. – Пускай завтра же идет устраиваться на курсы. Деньги я дам. Следи, чтобы она училась, как положено, чтобы там с преподавателями ни-ни. Хоть раз торганет собой, чтобы корочку получить, – пропало дело. Ты все запомнил?

Пока Дима слушал своего поставщика, у него в голове гулял ветер. Выпить сразу стакан водки без последствий было просто невозможно. Он заверил Рысакова, что запомнил, хотя на все сто процентов не был в этом уверен. После второго стакана Алексей вытащил сутулого из-за стола, спустил его вниз и посадил рядом с собой в «Москвич».

Секретарша Бадарова, чье имя, как выяснил Алексей, было Анжелика, вышла из ворот нефтеперерабатывающего предприятия и пошла на остановку автобуса.

– Никогда бы не подумал, – пробурчал Рысаков, – что сек-

ретарши таких крутых мужиков катаются на автобусах.

Он подъехал к Анжелике поближе, после чего пьяный Дима вывалился на улицу, схватил девушку и затолкал ее в машину.

Белый «Москвич» рванул с места и вскоре был уже далеко за городом. Девушка с аккуратной короткой стрижкой испуганно таращилась на похитителей и время от времени слезно спрашивала, что им от нее нужно.

Съехав на обочину, Алексей притормозил.

– Значит, так, дело в следующем: с этой работы, Анжелика, ты уходишь, уходишь тихо, по своему желанию. Вот тебе бабки, – он протянул ей тысячу долларов. – Лишних вопросов не задавать, никому не рассказывать. Не смотри на меня, бери деньги! – рявкнул он.

– Да, бери, – развязно поддакнул Дима, – или мы тебя сейчас тут и замочим.

– Заткнись, недоумок! – выкрикнул Алексей. – Ты, девочка, не слушай его, он пьян в стельку. Завтра приходишь и говоришь шефу, что приняла решение уйти. Вместо себя оставишь подругу. Сделаешь так: скажешь Бадарову, что начальник производства знаком с этой девушкой. В тот же час напишешь заявление и испаришься. Все понятно?

Анжелика закивала головой, забрала деньги и постаралась успокоиться.

– Теперь вылезай из машины. Ты теперь не бедная, до города сама доберешься.

Перепуганная девушка была рада, что от нее больше ничего не требуется, и очень быстро покинула салон «Москвича».

* * *

Бадаров подпер гладко выбритую щеку и посмотрел на Мирского:

– Вадим Андреевич, что это за фокус с моей личной секретаршей? Что это такое? Девчонку перепугали до смерти. Я же вижу. Почему она называет мне вас и говорит, что ее подруга займет ее место, а вы вроде как знаете эту подругу. Самое интересное то, что имени своей подруги она назвать не может. Объясните мне, что происходит.

Мирской был длинным и худым, как жердь, в то время как Бадаров – маленьким, лысым и круглым, словно колобок. В общем, две совершенно противоположные личности. Насколько разнилась их внешность, настолько отличались и характеры. Выслушав директора, Вадим Андреевич попытался улыбнуться:

– Марат Львович, ну зачем же так? Девочка решила уйти. Я узнал об этом раньше вас, извините, так уж получилось, и оперативно подготовил ей замену. Девушку зовут Вера. Я думаю, она вам очень понравится.

Бадаров обнял лысую голову руками, затем вытащил свою любимую трубку, набил табаком и раскурил. Когда, наконец,

он провонял всю комнату, Мирской услышал:

– Не нравится мне все это, но на девку взглянуть было бы интересно.

Вадим Андреевич заулыбался:

– Она дочь одного моего приятеля, нормальная девчонка, поверьте мне.

– Ну я надеюсь, ты мне ненормальную подсовывать не будешь. Как бы то ни было, Анжелике придется два дня еще поработать, чтобы сдать дела.

– Конечно, конечно, – согласился Мирской. – Я все прекрасно понимаю.

В тот же день, ближе к обеду, Марат Львович почувствовал, как замирает его сердце. Вера покорила его своими внешними данными, а больше от нее ничего и не требовалось.

Увидев в глазах шефа неподдельный интерес и блеск, Вадим Андреевич сообщил, что оставляет их наедине и уходит выполнять свои непосредственные обязанности.

Через неделю Бадаров увяз в Вере по уши и из-за бурных ночей плохо соображал на работе. Он с удивлением отмечал, что никогда не напивался раньше так, как в эти дни. Вот уж никогда не думал, что спиртное может подарить человеку столь красочные сны и неповторимые впечатления. Просыпался он свеженьким, как огурчик, видел рядом с собой Веру, и жизнь виделась ему в весьма ярких красках.

Рысаков и Палец дней через десять после того, как Вера

заступила на службу, решили нанести свой первый удар.

Блондинка сидела на шикарной даче у Бадарова и ждала, когда приедет Дима со своей очередной дозой для шефа. Порошок она подмешивала в спиртное. Достаточно было двух-трех глотков, чтобы директор терял ориентацию и ловил кайф. Когда Дима так и не приехал, Вера решила позвонить Рысакову, но Алексей успокоил ее, сказав, что все идет по плану. От нее же требовалось только не допустить, чтоб директор, не дай бог, не покончил с собой.

Ночка у Веры и у охраны выдалась бурная. Бадаров влил в себя больше литра водки, но не смог поставить собственные мозги на место. Он чувствовал, что сходит с ума, что память и разум изменяют ему, но понять причину происходящего был не в силах. Наглотавшись димедрола, он, наконец, затих на диване, умудрившись истрепать изрядно всю нервную энергию прислуги, охраны и, конечно же, Верочки.

Увидев, что творится с человеком, когда он не получает дозу, блондинка изменила взгляды на жизнь. Она поняла, что все это не игра в бирюльки. Ее втянули в очень грязное дело, выхода из которого, к сожалению, не было.

На следующее утро Бадаров проявил невиданную силу воли, когда оторвал сам себя от дивана и приехал на работу. Там его уже ждал Мирской. Он мерил шагами приемную и время от времени постукивал папочкой по бедру. Когда, наконец, директор появился в офисе, он размеренно поздоровался с ним и сообщил, что надо срочно переговорить. Ба-

даров согласился и пригласил своего заместителя пройти.

– Марат Львович, давай будем часть бензина толкать налево.

Директор посмотрел на зама как на идиота.

– От кого-то я уже это слышал. Тебе что, мало того, что ты имеешь?

Но Вадим Андреевич не слушал его:

– Давай, Марат, а то здоровье не улучшится.

Новость должна была просто-напросто парализовать директора, но он проявил завидную волю и не поддался ни агрессивным, ни депрессивным настроениям.

– Теперь, Вадим Андреевич, я понимаю, откуда дует ветер. А я-то ломал себе голову, кто же это меня подсиживает. А это, оказывается, твоих рук дело. И этот сброс нефтепродуктов в Волгу, и разрыв контракта с поставщиками сырья – все твоих рук дело. Преднамеренно портишь лицо фирмы. Скот, большой ты скот.

– Подумай, Марат Львович, речь идет о твоём изрядно пошатнувшемся здоровье. Ты из этого дерьма, может, и не выплывешь.

– А ты меня не пугай, – Бадаров хлопнул рукой по столу. – Я сейчас прикажу охране схватить тебя и немного поучить хорошим манерам, а то ты, я смотрю, совсем потерялся, отбил от рук, мальчик.

– Тогда не будет дозы, – ровно ответил Мирской. – Считай, ты сейчас деревянную рубашечку себе заказываешь.

Бадаров почувствовал, как у него очень сильно начинает болеть голова. Вскоре боль стала невыносимой, и он схватился за разрывающийся череп.

– Вот видишь, – Вадим Андреевич продолжал читать нотации своему начальнику, – это только начало, дальше будет еще хуже.

– Что, если я соглашусь, – прохрипел Бадаров, превозмогая адскую боль, – что, если соглашусь? – повторил он.

– Ну, в этом случае будем тонну в неделю сливать на сторону. Вскоре появится левое сырье. Если со здоровьем лучше не станет, придется уйти в отставку. Пройдешь курс реабилитации, будешь спокойно жить. У тебя средств достаточно. Тебе, может быть, даже подарят магазинчик в центре города, чтобы ты, не утруждая себя, сводил концы с концами. Это все.

Приступ прошел, и, почувствовав себя лучше, директор воспротивился.

– А больше ты от меня ничего не хочешь, а, Вадим Андреевич? Всего-навсего обеспечить местные заправки левым бензином? Мы и так немало имеем, а теперь можем под суд попасть. Нельзя слишком много хапать.

– Ну, это не тебе решать, – успокоил Мирской. – Уже не тебе. Ты вон с какой блондинкой покувыркался, всю оставшуюся жизнь будешь вспоминать.

– Ни хрена у тебя не выйдет, – коротко произнес Бадаров. Он поднял трубку телефона, стоявшего на столе, и стал

набирать номер начальника охраны, но ответа с другого конца провода получить не успел. В кабинет ворвались два крепких молодца и быстро предотвратили попытки директора хоть как-то перекинуть мяч на сторону противника.

– Сейчас поедem на дачу, Марат Львович, – сообщил заместитель, – будете там сидеть, ждать, когда вам привезут лекарство от головной боли. Я так понимаю, что вы с моим предложением согласны. Такие вот пироги, Марат Львович.

В течение следующих суток Бадарову дали только половину необходимой ему дозы, в результате чего он написал заявление об уходе, что устраивало людей, которые оказывали на него давление. Палец был доволен. Он не скрывал своей радости и с удовольствием проинформировал о том, что у них появилось, можно сказать, свое предприятие по переработке нефти, так как директором на нем становился Мирской Вадим Андреевич. Расхвалив работу Рысакова, президент группы «Дом» намекнул ему, что Бадарову незачем жить. Через день резко деградировавшему за двое суток теперь уже бывшему директору принесли «жгучий яд». Дозу Рысаков сделал настолько сильной, что Марат Львович после того, как запил белый порошок водичкой, прожил всего пять минут. Затем последовали паралич дыхания и смерть.

После того как на нефтебазе сменился директор, Веру, естественно, уволили. Некоторое время она еще приставала к Диме с расспросами о том, что же случилось с прежним директором. Психику ее берегли. Сказали просто, что чело-

век ушел на повышение.

* * *

Рыжая бестия крутилась перед зеркалом, поправляя кудряшки и закрепляя непослушную челку лаком. Почему-то именно сегодня вечером ее собственные волосы подняли настоящий бунт. Они не желали принимать задуманную Лизочкой форму и использовали малейшую возможность для того, чтобы испортить всю картину. Клок в сторону – и уже не то.

Она продолжала стоять перед зеркалом, проявляя упорство. Сегодня они с Дарьей идут в один из самых дорогих баров в городе. Должна она нормально выглядеть, в конце концов?! Выход в свет не каждый день. Недостаток средств не позволял ей каждый вечер прожигать жизнь под звуки современной музыки. Приходилось экономить. Зато когда некая сумма собиралась в кармане, она спускала ее всю до последней копейки за несколько часов. Потом вспоминала о вылазке чуть ли не месяц, после чего история повторялась.

Время поджимало. Дарья, поди, уже летит на своем новеньком «Фольксвагене-Боро» к месту их встречи – подъезду, где живет Лизочка. Повезло Дарье, купила классную тачку. Не сама, конечно. Рассказывала, что ухажер подарил. Но разве имеет значение, как ты достала ту или иную вещь? Она у тебя есть, и все тут. Есть – это главное, а как досталась –

тема рассуждения для людей, отставших от жизни.

Все. Она готова. Последний взгляд на саму себя. Глазки подведены, губки накрашены, щечки нарумянены, челочка, наконец, уложена.

Лизочка выкатилась на улицу на пять минут позже, чем они договаривались. Дарья была так любезна, что пообещала заехать за ней. Но ее все еще нет. Не приехала.

«Может, тоже собирается, как и я». – Лиза скрестила на груди руки и принялась ждать.

Иномарка цвета морской волны вкатилась во двор и замерла напротив рыженькой пухленькой девицы только через десять минут.

– Привет. Садись, я немного опоздала. – Дарья Данилова – зеленоглазая черноволосая видная девица – просила прощения.

Лиза покачала головой.

– Я уж и не надеялась прокатиться на новой тачке.

– Никак не могла привести себя в порядок, – пожаловалась Дарья. – Что-то странное творится с волосами.

– Представь, у меня те же самые проблемы.

Лиза села в салон, и они тронулись с места.

Лиза оттянула вниз веки и высунула язык на сторону. Дарья взглянула на подругу и рассмеялась.

– Перестань дурачиться, иначе мы впишемся куда-нибудь.

Но Лиза не унималась. Кроме того, что она скорчила отвратительную рожу, она стала вещать загробным нудным и

жутким голосом:

– Воздух был наэлектризован. Волосы людей в преддверии дискотеки мертвецов встали дыбом, и они не могли справиться с ними. Страшное волосатое предзнаменование. Их ждут реки крови и созерцание диких мук невинных младенцев.

Они выехали на трассу, и Дарья прибавила скорость. Ускорение вдавило их в спинки кресел.

– О-о-о! – восторженно вскрикнула Лиза, забыв о собственной мрачной выходке. – Вот это она у тебя бегаёт.

Разгоняя тоску, навеянную подругой, Данилова включила стереосистему.

– Начинаем отрываться по полной программе! Дарья, я тебя люблю!

– Наконец-то я услышала от тебя что-то путевое, – счастливая владелица новенькой машины улыбнулась. – Нас ждёт прекрасный вечер.

Они въехали на платную автостоянку, находящуюся рядом с баром «Пегас».

– Не боишься машину оставлять? Дорогая ведь.

Даша поставила руки в боки.

– Не надо нагонять на меня тоску. Я хочу отдохнуть.

– Не сердись, моя лапочка, – Лиза обошла машину и чмокнула Дарью в щеку. – Я же просто шучу.

Апрельская слякоть и промозглость остались снаружи. Внутри было тепло. Девчонки поспешили сдать свои куртки

в гардероб и пройти в зал.

Народу в восьмом часу вечера было уже предостаточно. Свободный столик искать и не пытались. Сразу пошли танцевать. Диск-жокей как раз зарядил «Руки вверх». Ничего больше и не надо было. Лиза не обладала очень уж стройной и ладной фигурой, но, несмотря на это, хорошо двигалась и чувствовала ритм. Дарья от нее не отставала. Благо уж ей-то природа дала куда больше: и фигуру, и культуру. Выкручиваясь друг перед дружкой на протяжении следующих двух песен, они приложили максимум старания. Результат не заставил себя долго ждать.

– Хорошо танцуете, девчонки! – услышали они сквозь гвалт музыки. Обернулись на голос и увидели невысокого молодого мужчину.

Может быть, Дарья назвала бы его парнем, но слишком уж серьезные и какие-то «старые» у него глаза. Да и выражение лица не расплывается в сладко-похотливой ухмылке – вот, мол, вы какие классные девочки, а я вас вскоре перетрахую. Ничего подобного и в помине не было.

– Я Алексей! – он показал рукой в сторону пустующего столика.

По губам Дарья прочитала: «Пошли».

Они переглянулись с Лизой. «Почему бы и нет?» – поняли девочки друг друга и согласно мотнули головами.

Он взял их обеих под руки и повел к своему столику. Дарья не могла себе объяснить это, но она чувствовала, что это

его столик, его территория.

Алексей сразу стал больше внимания уделять Лизочке.

«Может, это потому, что я с ним одного роста, а на каблук-ках даже несколько выше, – размышляла Дарья, посасывая апельсиновый сок. – Или ему нравятся рыжие, а не брюнетки».

Вскоре Дарья откровенно заскучала.

Черноволосый худощавый мальчик все больше увязал в Лизочке, а ей не было адресовано ни слова, ни полслова. Голубоглазый и широкоскулый парень тоже проявлял к рыжей неподдельный интерес. Подруга разомлела под потоком комплиментов и не спешила вспоминать, что пришла на дискотеку не одна. Дарью сложившаяся ситуация задела за живое. Она молча встала и пошла к стойке бара, будучи уверена в том, что ее отсутствия даже и не заметят.

– Знаешь, почему он даже не сделал попытку заговорить с тобой?

Обладатель красного пиджака уселся за стойку рядом с Дарьей. Высок, на вид немного грубоват, как говорят на Руси, неотесан. Но слог весьма не плох.

– Вы что же это, подсматриваете за мной? – обиженно произнесла она.

– Разница между наблюдением и подсматриванием заключается в том, что во время подсматривания человек прячется от изучаемого объекта. А еще в том, что цели у того, кто подсматривает, весьма сомнительны.

– А ваши цели благородны?

– Вполне, – он провел рукой по густой трехдневной щетине, покрывающей решительную нижнюю челюсть. – Водки не хотите?

– Белого вина. Так почему же он выбрал мою подругу?

– Вы не из его касты. Это же очевидно. Приятно дружить с теми, кто находится на более низком уровне развития, правда? – вино появилось перед Дарьей не то что быстро – мгновенно.

– Хорошо. Может быть, я буду дружить с вами.

Он рассмеялся.

– Это приятно.

– Даже в том случае, когда я вас ставлю ниже себя?

– Женщина не может оскорбить мужчину. Сильный пол обижается только тогда, когда сочтет это нужным.

Дарья посмотрела ему в глаза: светло-карие, затянувшиеся пьяной поволокой.

– Я бы с вами могла поспорить.

– Почему бы нет. Давайте поспорим. Меня зовут Виктор, а вас?

– Дада.

– Странное имя. Впрочем, неважно. Я смотрю, вы почти не пьете, сделали всего один глоток.

Зануда. Что ждать от человека, который надел на себя пиджак цвета крови, но при этом, как ни странно, может даже связать два слова друг с другом?

Зазвучала медленная мелодия.

– Потанцуем? – предложил он, вставая со своей тумбы и протягивая руку.

Дарья посмотрела на внутреннюю сторону ладони и увидела кольцо.

– Вы что это, Витя, женаты?

Он перехватил взгляд, повернул руку и продемонстрировал внушительных размеров перстень с крупным сапфиром.

– Да. На своей работе. Пойдемте, Дада. В молодости сидеть надо как можно меньше. Будет о чем вспоминать под старость.

Дарья протянула ему руку.

– Запомните, мы идем танцевать, а не обжиматься.

Он схватил ее вторую руку. Его лицо стало решительным.

– Запомните, я не люблю, когда кто-нибудь говорит мне «запомните».

Дарья попыталась вырваться, но он держал ее весьма крепко. Ей стало больно. Новое знакомство было провалено.

Освободившись наконец, она подошла к столику, где сидели Лизочка и ее новый мужчина. Они уже обжимались. Сообщила, что уходит, и поспешила покинуть «Пегас».

Виктор догнал ее уже на улице.

– Извините, если я показался вам грубым.

– Грубым и занудливым, – не поворачиваясь, произнесла Дарья, выказывая ему тем самым полное безразличие.

– Я знаю, у женщин бывают такие дни...

Он не смог договорить, так как она перебила его:

– Бывают, но встречаются мужчины, у которых эти дни постоянно. Оставьте меня в покое.

И он действительно отстал от нее, не делая больше попыток прилипнуть.

Усевшись в новенькое кожаное кресло машины, она расслабилась.

«Какой нудный тип. – Дарья посмотрелась в зеркало. – Куда теперь? Домой? Да ладно. Не все коту масленица».

Дарья выехала со стоянки и отправилась в обратный путь. Через пятнадцать минут она будет дома. В своей однокомнатной квартирке, вход в которую с недавних пор охраняет стальная дверь.

Не так давно ей повезло. Смогла зашибить деньгу. Купила новую машину, тряпок, золота и компьютер.

Жизнь переменялась. Когда на нее в последний раз находила скука, она уже забыла. Могла часами сидеть перед монитором и играть. Два месяца прошло со дня покупки, а она все не могла отойти от этого электронного пожирателя времени.

Она стала более раздражительной. Меньше спала, в питании наметился сдвиг в сторону хаотичности и неразборчивости. Набила пузо, и скорей, скорей к электронным играм. Она даже где-то читала, что это влияет на психику.

Сейчас, сидя за рулем нового европейского автомобиля, она мечтала лишь о том, чтобы побыстрее приехать домой

и запустить «Блудливого Гошу» – интерактивные приключения для взрослых. Там, на экране, было почти так же, как в жизни, только красивее и грязи меньше.

Предвкушая долгие часы общения с компьютером, она вошла в подъезд.

– Теперь я знаю, где вы живете, – услышала она за спиной ровный спокойный голос.

Обернувшись, Дарья увидела Виктора.

– Вы намного хуже, нежели я себе представляла в начале.

– Неверно, – он сделал несколько шагов к ней навстречу. Дверь подъезда была открыта, и она разглядела за спиной Виктора шикарную «БМВ», которую он поставил рядом с ее машиной. – Я еще хуже того, о чем вы даже и не думали.

Дарья замерла, ожидая неприятностей.

– Не волнуйтесь, я только хотел дать вам свою визитную карточку, вдруг пригодится.

Дарья взяла золотистый прямоугольничек и, не читая, сунула ее в сумочку.

– Всего доброго.

Он, как ей показалось, был вполне удовлетворен тем, что она приняла визитку. Малиновый пиджак развернулся, сел в свою машину и уехал.

Поднявшись к себе, она по старой привычке поставила на плиту чайник, включила телевизор. Играть расхотелось. Долго терпеть она не смогла, вытащила визитку, на которой черным шрифтом на золотом фоне было отпечатано:

«Ассоциация частных товаропроизводителей
Иванов Виктор Валентинович
Президент»

Как ни странно, ниже не было указано ни адреса, ни телефона. Она перевернула карточку:

«Фирма „Магнат“

Иванов Виктор Валентинович
Директор»

Кроме того, что он нудный, он еще и с приколами. Кому нужна визитка без телефона и адреса?

* * *

»Что-то медленно идет время», – Иванов измучился, ожидая собственную секретаршу. Он смотрел на старинные позолоченные часы, стоящие на одной из полок шкафа, заставленного большей частью папками с документами, и кривил губу. Но кварцевые «Сейко» показывали то же самое время. Упрекнуть старых мастеров было не в чем.

Вздохнув, сварил крепкий кофе и заставил себя выпить его. Это была уже шестая чашка за час.

Был ли он возбужден? Да. Определенно. Но организм не унимался, он требовал одну дозу кофеина за другой.

Так можно и с ума сойти. Эта стройная черноволосая бес-тия приняла его за не совсем нормального. Что это с ним? Он деградирует? Превращается в морального уродца? За по-

следнее время он не слишком и похудел. Семь кило, не так много. Худые живут дольше.

Размышляя таким образом, он сам себя обманывал. Его хорошее настроение уже два месяца зависело от того, принесет Верочка или нет.

Наконец, дверь в кабинет президента открылась, и вошла ногастая и грудастая блондинка, чьи формы просто-таки поднимали в былые времена внутри Иванова волну невиданной высоты и мощи. Сейчас у него были иные устремления.

– Принесла?

– Да, Виктор Валентинович, – нежные аккуратные пальчики вытащили из сумочки крохотный целлофановый пакетик и передали боссу.

– Спасибо, можешь идти, – невнятно пробормотал он. – Тебе обязательно будут выплачены сверхурочные.

Секретарша ушла. Рабочий день в офисе закончился два часа назад. Народу – никого. Это хорошо, очень хорошо. Он сможет посидеть в спокойной обстановке и наконец расслабиться.

* * *

Вся следующая неделя прошла в компьютерных баталиях. Лизочка не звонила, загудела небось с Алексеем основательно. Вот она, женская дружба: все хорошо, пока одна из подруг не найдет себе кобеля. Вообще никто не звонил. К оче-

редной субботе скука разъела Дарью окончательно. Вопрос «что делать?» стал весьма актуальным.

Скорчив гримаску, она заказала себе столик в ресторане на воскресный вечер. Как ни странно, но свободное местечко нашлось аж в самом «Джокере». Отлично.

Настоящие свечи горели на ее столе. В тарелке лежала камбала, в бокале пузырилось игристое. Она скучала. Контигент посетителей был таков, что никто не сидел в одиночестве, кроме нее. Ее не приглашали танцевать, не разглядывали, не пялились, все были поглощены общением друг с другом.

– Какой сюрприз!

Она подняла голову.

– Снова вы. Вы что, следите за мной? – негодовала Дарья.

– Как вы догадались? – на Викторе был дорогой джемпер, белоснежная рубашка, цветастый галстук и отутюженные брючки.

– Оставьте меня.

Но он не слышал ее. Сел рядом. Подозвал официанта, заказал виски.

– Вам негде больше пить?

– Знаете, я сегодня сделал одну большую глупость.

Она старалась не слушать его. Больше всего ей хотелось встать и уйти. Она взглянула на него и осталась на месте. Человек был в подавленном состоянии.

– Какую же?

– Этого я не могу вам сказать, извините.

– Где это вы успели поднабраться сегодня? – она только сейчас разглядела, что он пьян.

– Я не пил. Честное слово.

– Расскажите это маме.

Официант – молоденький смазливый мальчик с жиденькими волосиками, забранными в конский хвост, – принес коньяк.

– Можно мне вашего салата под закусь?

– Таких хамов давно не встречала. Извольте. Рыбку не хотите доесть? Что молчите? Заодно и расплатитесь.

Она встала и пошла к выходу. Глухой звук от удара чего-то тяжелого и мягкого достиг ее уха. Она тут же обернулась. Виктор лежал на полу с открытыми глазами и смотрел ей вслед.

Первое желание – поскорее убраться отсюда. Но в этом случае она навлечет на себя подозрение.

Пошла обратно, к нему. Тронула за плечо. Ей очень хотелось верить, что это какой-то дурацкий розыгрыш. Стала щупать пульс. А его нет. Кровь перестала циркулировать по телу. Президент ассоциации частных товаропроизводителей был мертв.

Люди поднялись со своих мест и спешно стали покидать ресторан. Оркестр замолчал. Находились «смельчаки», которые подходили к лежащему на полу телу. Увидев, что человек не шевелится, они разворачивались на сто восемьде-

сят градусов и так быстро ретировались, что сбивали с ног тех, кто шел впереди. Зал пустел с поразительной скоростью. Женщины что-то шептали своим спутникам, те бормотали в ответ нечто нечленораздельное и сердитое. Умер человек. Один из тех, кто совсем недавно сидел за таким же столиком, как и они, и ел пищу, приготовленную на той же кухне.

К Дарье, сидящей на корточках около тела, подбежал бледненький официантик:

– Вы, пожалуйста, никуда не уходите. Оставайтесь здесь, пожалуйста. Вы не заплатили за ужин.

Она поднялась.

– А то, что он сдох, тебя это не волнует? – Дарья была готова заехать ему по морде.

– Вот именно, вот именно.

– Что «вот именно»? Кроме меня, платить некому? – она старалась взять себя в руки. – Сколько я должна?

– Триста сорок восемь.

Она отдала ему триста пятьдесят рублей и попросила не утруждать себя поисками сдачи.

– Все равно не уходите. Он ведь умер.

– Да. Точно. А я сидела с ним за одним столом.

– Это вы были с ним? – услышала она за спиной и повернулась. К ним подошел упитанный лысый дядечка, разменявший шестой десяток.

– Вы кто, простите?

– Директор ресторана.

Отрицать тот факт, что она не с ним, в смысле не с телом, было бесполезно. Обратное с удовольствием подтвердит вот этот жидковолосенький мальчик с подносом.

– Да. Я. Здесь и познакомились.

– Пройдите ко мне в кабинет, – он отступил в сторону и сделал приглашающий жест рукой. Будь Даша первый день на свете, она так и сделала бы. Но директор пока не знал, кем он хотел руководить. Через секунду все встало на свои места:

– Ментов я буду ждать здесь. Их уже вызвали? – тон ее со спокойного сменился на агрессивный.

Один приятель Дарьи, у которого была восточноевропейская овчарка, еще в конце одиннадцатого класса как-то просветил ее: «Ни один кобель не будет драться с озверевшей сукой. Сука готова умереть в драке. Самец же намеревается выжить. Это психологическое преимущество заставляет кобеля отступить».

Она произнесла последнюю фразу так, будто была готова к тому, что за только что сказанные слова ее порежут на месте.

– Хорошо. Как угодно. Ждите здесь. Только ничего не трогайте.

– И вы ничего не трогайте.

Дарья знала, что потом она, может, и поплачет, сгоняя стресс, но не сегодня, не сейчас.

Директор больше ничего не сказал ей и ушел. Время от времени подходили официанты, работавшие в зале. Любо-

пытствовали, отходили в сторону.

Сидя рядом с трупом, Дарья чувствовала себя крайне неприятно.

«Что смотреть? Ну чего пялиться? Вон еще повара с кухни глазют, словно любопытствующие мартышки. Идиоты. Умер человек, умер. Нет его».

Она подумала, что смерть не менее притягательна, чем рождение. Она вызывает не меньший интерес, а то и больший. Чем? Может, своей неизбежностью, а может – уродливостью.

В зал вошли два молодых сержанта. Один шел впереди, другой, чуть поотстав, следом. Ее увидели сразу. Потом стали глазеть по сторонам в поисках тела.

– Он здесь, – подсказала Дарья, поднимаясь.

Следом за нарядом милиции прибыла еще одна парочка.

В ресторан вошел небольшого роста человек в черном кожаном плаще. Шляпу он немедленно снял, то же самое сделал и его высокий широкоплечий спутник. В руках у последнего Дарья увидела «дипломат».

– Никого не впускать. Заведение закрыто, – отдал распоряжение патрулю человек в кожаном плаще.

Сержанты пошли к выходу.

– Капитан Лиховцев, – представился мужчина, закуривая и разглядывая Дарью, словно игрушку. – Вы почему не ушли? Были вместе с ним? Кем он вам приходился?

На широком лбу то появлялись, то разглаживались мор-

щины.

– Никем.

Следователь посмотрел себе под ноги, на труп. К бедняге уже подсел широкоплечий и молчаливый. Он светил в безжизненные глаза фонариком, щупал пульс.

– Петрович, он мертв на сто десять процентов, – сообщил номер два номеру один, снимая перчатки и закуривая следом за капитаном.

Лиховцев оглядел стол, на котором, помимо фруктов, стояли виски, шампанское, недоеденная камбала и салат из моркови.

– Он хотел познакомиться с вами?

Дарья проследила за взглядом капитана. Перед ней был отнюдь не дурак. Он посмотрел, что и как стоит на столе.

– Вы это по посуде прочитали?

– Видный мужчина, сразу ясно, что состоятельный – видите этот огромный перстень, – и одежда не с «толчка», – он снова посмотрел на труп. – Вряд ли он стал бы лишь пить виски, в то время как вы заказали отменный ужин. Это неестественно. Он подсел к вам, стал задавать всякие вопросы, пытаясь завязать разговор. Что было дальше?

Дарье было приятно, что она встретила человека, который хочет помочь ей выпутаться из этого дерьма.

– Он заказал себе виски. После того, как попросил закусить моим салатом, я встала и пошла. Обернулась на шум, а он уже лежит с открытыми глазами и смотрит мне вслед.

Умер мгновенно. Я подошла, пощупала пульс.

Напарник капитана посмотрел на Дарью с долей интереса.

– Он не хрипел, не закатывал глаза, не хватался за горло?

Не махал руками? Судороги были?

– Я бы сказала, что его просто отключили.

– Но несколько секунд вы его все же не видели, – уточнил капитан.

– Не более пяти, – согласилась Дарья. – Все, что он успел, – выпил рюмку виски.

Лиховцев согласно кивнул головой.

– Ваши документы.

Дарья отдала ему права. В это время подошел директор ресторана, следом за ним жидковолосый официант.

– Вы из милиции? – поинтересовался самый главный распорядитель в пункте общественного питания.

– Сергей Петрович Лиховцев, – представился кожаный плащ.

– Я директор: Андюшков Герман Владимирович. А вот официант, который обслуживал этот столик.

– Спасибо, вы предусмотрительны, – поблагодарил капитан. – Юноша, что вы можете нам рассказать?

Конский хвостик заправил выбившуюся прядь за ушко:

– Эта дама сидела одна. Потом вот он, – парень неловко кивнул на труп, – подсел к ней, заказал виски. Только не подумайте ничего такого. Это действительно виски. Я уже не одну бутылку открыл. С посетителями все было нормально.

– Не надо волноваться, – успокоил Лиховцев. – Покойный, как только вошел в ресторан, сразу подсел к даме?

Дарья смотрела на этого плотного, смахивающего на Глеба Жеглова следователя и считывала с его лица упрямство – нижняя челюсть чуть вперед, хорошо развитые надбровные дуги; волю – крупные черты лица; великолепную память – высокий лоб, острый взгляд черных глаз; нестабильные нервы – седина, а ему, может, чуть больше сорока, постоянно шевелит губами.

– Этого я сказать не могу. Я мог его не увидеть.

– Вы отпускали кого-нибудь домой? – вопрос адресовался директору.

– Нет. Что вы, – заегозил Андюшков. – Никто никуда не уходил.

– Я хотел бы поговорить с официантами. Прямо сейчас, – он отошел от тела на некоторое расстояние и сел за столик. – Приглашайте по одному ко мне. С этим молодым человеком, будем считать, я уже переговорил.

Дарья смотрела на то, как работает капитан, и понимала, что задача номер один у него – найти преступника по горячим следам. Только это не погоня и не бытовуха. Она сама про себя знала, что ни при чем, а вот капитан об этом не знает и должен будет убедить сам себя в том, что она девочка чистая и непорочная.

Следователь беседовал с людьми уже минут тридцать. Дарья была вынуждена отойти в сторону, чтобы не мешать

следственной бригаде фотографировать и снимать отпечатки с посуды.

По личному распоряжению Лиховцева ее никто не трогал, но и не отпускали. Пришлось сесть на стул и просто заткнуться на неопределенное время. Минуты текли медленно. Она не раз задавалась одним и тем же вопросом: когда же ее наконец отпустят. Но никто не спешил.

Со стороны улицы раздались женские крики и стенания.

В ресторан ворвалась пожилая женщина в красивом плаще из белой кожи. Разбросала в стороны попытавшихся остановить ее сержантов. Подбежав к телу, она рухнула около него на колени и принялась рыдать.

– Витенька! Витенька, мальчик мой! Что же ты наделал, Витенька! – она целовала его лоб, щеки, губы.

Мужики застыли, не зная, что им делать с этой пожилой обезумевшей женщиной. Первым опомнился коллега Лиховцева, с которым они вместе приехали на место происшествия. Он взял ее за плечи и потихоньку поднял.

Подошла Дарья и жестом показала ему, чтобы он оставил мать покойного. Рыдания не прекращались, но как только убитая горем седовласая женщина попала в объятия Дарьи, все как бы встало на свои места: женщины, они там в углу поплачут, и все будет нормально.

Дарья отвела ее в укромный уголок. Подбежал волосатик-официант со стаканом воды и валерьянкой.

Сквозь слезы мать Виктора Иванова посмотрела на де-

вушку, сидящую перед ней.

– Как, как это случилось? – она снова принялась плакать. Дарья обхватила ее руки своими.

– Я не знаю. Выпейте воды, – Дарья влила в стакан капель сорок настойки валерьянки, полагая, что сейчас для бедняжки это не доза.

– Вы из милиции?

– Нет, я случайно здесь.

– Но вашу фотографию показывали по телевизору, я запомнила. Это вы, кажется, стреляли в какой-то джип, за рулем которого сидел убийца нескольких человек.

– Да. Но я не работаю в органах.

– Помогите, пожалуйста, помогите найти того, кто его убил.

– Почему вы думаете, что его убили?

Женщина очень быстро приходила если не в себя, то в некое более-менее спокойное состояние, в котором она понимала, о чем ее спрашивают, и была способна что-то отвечать.

– Он постоянно общался с этими бритоголовыми на иномарках. Он и одеваться стал, как они. Я говорила ему: «Витенька, зачем ты так одеваешься?» А он мне: «Мама, я должен быть, как они». Как они... Господи, за что?

Она рванулась с места к сыну. Следователи не могли нормально работать, никто не мог предположить, что на месте происшествия будет кто-то из родственников покойного, а

чтобы мать сюда приехала... это вообще из ряда вон.

Мужчины не могли ничего поделать.

Дарья снова подошла к матери и подняла ее с колен.

– Почему, почему, – причитала мать. – Почему он?

Женщины вернулись к столу. Мать села за стол и, схватившись за голову, снова стала плакать. Потом схватила за стакан и допила остатки.

Подошел Лиховцев, представился. Попросил Дарью оставить их наедине. Данилова встала, отошла в сторону. С отсутствующим видом принялась рассматривать картины, висящие на стенах заведения. Пейзажи. Неизвестный художник неплохо владел кистью. Пшеничное поле уходит за горизонт, слева – небольшой кусочек дубовой рощи, справа вдалеке – старая мельница. Чувствовалась перспектива. А какая перспектива у нее?

Ее кто-то изучал. Дарья обернулась на убитую горем мать. Заплаканная женщина смотрела на нее и, казалось, совсем не слушала капитана, который о чем-то рассказывал ей.

Наконец их приватная беседа была закончена. Лиховцев зажег очередную сигарету и тоже пошел любоваться пейзажем.

– Я не могу отпустить вас, – сообщил он Дарье ровным голосом. – Если в организме покойного найдут быстросействующий яд, то вы – подозреваемый номер один. Лидия Яковлевна рассказала мне, что вы как-то попали на телевидение, когда задерживали преступника, и даже стреляли.

– Это правда. Но ранена не была, поэтому ордена не дали. Немного обидно, но я переживу. Вы бы лучше поинтересовались, кто ей сообщил о смерти сына.

– Спросил. Человек не представился.

– Но был на сто процентов уверен, что Виктор умер. Похоже, в ресторан он приходил не один.

– Это не подтверждается опросом официантов.

– Вам не кажется, что яд в пищу или в выпивку могла подсыпать не только я?

– Вы обменялись резкими фразами друг с другом, потом встали и направились к выходу. Через несколько секунд Виктор умер. Не слишком хорошие обстоятельства. Вы задержаны на двадцать четыре часа. Если причина смерти не сильнодействующий яд, то будете отпущены под подписку о невыезде.

Дарья покраснела от негодования. Новость ее взбесила. Ее в камеру!

– Капитан, а вы не можете приставить ко мне охранника на сутки? Мне не очень-то хочется в застенок. Я заплачу.

– Простите, я не понял, на какой слог в последнем слове надо ставить ударение?

– Сколько вы хотите, товарищ капитан? Представляете, я не виновна, а вы меня в Бастилию.

Лиховцев вынул изо рта сигарету и выпустил дым в потолок.

– Хорошо. Обойдемся подпиской о невыезде.

Дарья полезла в сумочку и достала из нее сто долларов.

– Я вам весьма признательна.

– Вы не дослушали до конца. Все следующие сутки будете рядом со мной. Я разведен. Поэтому проблем не будет.

Она смотрела на него с чувством глубокого отвращения.

– Таким, как вы, опасно доверять власть над людьми.

– Питаться будем раздельно, во всяком случае до того, как будут известны результаты вскрытия.

– Шутки у вас плоские.

– Они жизненные, это более важно. Сидите, скоро поедем в отделение.

Капитан оставил ее в покое. Зато подошла Лидия Яковлевна.

– Следователь сказал, что Витя хотел познакомиться с вами. Вы красивая женщина.

Дарья продолжала пялиться на картину, несмотря на то что та ей уже надоела.

Пришли санитары и положили покойника на носилки. Мать опомнилась и подбежала к ним.

Снова рыдания, снова боль утраты.

Дарье не хотелось бы слышать все эти стенания, но она была здесь, она не могла отключиться.

Ноги Лидии Яковлевны подкосились, и она сползла на мраморный пол.

К ней тут же подбежали люди.

– Похоже на инфаркт, – классифицировал напарник Ли-

ховцева, чье медицинское образование было не просто на лбу написано – оно въелось в его суть. Он мог ничего не говорить о себе окружающим, и так было ясно, что перед тобой врач. И не потому, что он поспешил на помощь и выдавал какие-то предположения. Его манера ходить с прямой спиной, делать все размеренно и спокойно, эдакое: заболели? ничего, бывает; померли? тоже случается. – Мы можем потерять ее вслед за сыном.

– А вот этого нам не надо! – выкрикнул капитан. – Пошевелитесь и в ту же машину ее. Быстрее. В бригаде «Скорой помощи» есть врачи?

Дарья уселась за стол и обхватила голову руками.

– Какой дурдом, господи, – сорвалось с губ.

– Может, выпьете чего-нибудь?

Перед ней стоял волосатик-официант.

– Неси дешевого вина, мальчик, – Дарья смахнула катящуюся по щеке слезу.

Стрессы, мать их так!..

* * *

Капитан Лиховцев вот уже целый час сидел в своем кабинете за столом, стоящим у окна, и что-то писал.

Дарью он посадил в угол, всучив ей потрепанную газетку «Детектив». Как известно, и менты, и преступники читают одно и то же.

От нечего делать она стала знакомиться с похождениями молодого жулика, с трудом одолевшего семь классов средней школы. Отсутствие образования не мешало ему обманывать людей. Да, это и есть настоящий русский самородок.

Сергей Петрович, не меняя позы, кропал что-то на бумагу, в то время как Дарья не знала, куда себя деть.

– Может, я пойду? – спросила она.

– Идите, – бросил он, не поднимая головы.

Она вначале не поверила, потом тихо поднялась.

– Отставить! – крикнул следователь так, что она вздрогнула. – Куда?! Сядьте на место.

– Но вы ведь сказали...

– Мало ли что я сказал. Заработался. Присаживайтесь. Скоро поедем спать.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась Данилова.

Он прищурил глаза и внимательно посмотрел на нее.

– Может, в камеру изволите? Что-то не вижу энтузиазма. К тому же вас никто насиловать не собирается. Не волнуйтесь.

– В первый раз встречаю такую меру пресечения.

– Дура! – воскликнул он. – Симпатичная девка и в то же время дура! Не могу я тебя отпустить, не могу. В камеру сажать не хочу. Нечего тебе там делать. Будь добра, не играй на нервах.

Сев на свое место, она продолжила чтение. Куда же ей, бедняжке, деваться?

Однокомнатная квартира капитана была некой противоположностью уютному гнездышку Дарьи. Ремонт не проводился здесь лет десять. Мебель старая. На кухне раковина, плита, шкаф для посуды сорокового года рождения, крохотный холодильник, обшарпанный стол и три табуретки.

– Я буду спать на раскладушке, в кухне, – вещал он из коридора, – а ты в комнате, на диване.

– И часто вы приглашаете подозреваемых к себе домой? – Дарья, стоя посреди кухни, морщила нос всякий раз, когда видела грязь, то есть она не прекращала кривиться. Созерцание запущенности угнетало ее.

Он вошел на кухню в брюках, майке и тапочках.

Холостяцкое соцнакопление немного выпирало вперед, но вместе с тем она не могла не отметить мощные плечи и развитую грудную клетку.

– Вы думаете, то, что я сейчас делаю, доставит удовольствие моему начальству? – он открыл холодильник и достал пяток яиц. – Нечего стоять, поставьте чайник.

– А вам это доставляет удовольствие?

Он хмыкнул.

– Мне бы доставило удовольствие общение с такой женщиной, как вы, но карты сейчас легли так, что нам с вами даже думать не стоит о каких-либо иных обстоятельствах.

Дарья зажгла газ.

– Хотите сказать, что это вы не должны думать об иных обстоятельствах. Я же могу позволить себе внутренне все, что угодно.

– Рад за вас, – под хруст скорлупы одно яйцо за другим вытекали на сковородку. – Что это за история со стрельбой?

– А, – она постаралась говорить как можно развязнее, – все началось с того, что у приятеля украли машину.

– В общем, старая история, которая набила вам оскомину. Только после нее вы сразу купили новую иномарку.

– Вы просто образец такта и понимания. Такие люди встречаются нечасто. Неудивительно, что вы неженаты.

– Да был я женат. Только все это закончилось десять лет назад. Она не смогла ждать.

– Дети?

– Мальчишке скоро пятнадцать. Пиво будете?

– Мне хватит на сегодня. Как вы завтра передо мной извиняться будете, Сергей Петрович? Я ведь ни при чем. И экспертиза это докажет. Никаких ядов в теле Иванова не найдут.

– Откуда вы знаете фамилию покойного?

– Его мать сказала.

«Чуть не вляпалась по уши. Зачем капитану знать, что я познакомилась с Витей в „Пегасе“? Абсолютно незачем».

– Предположим. Вы сегодня будете спать на диване, а не на нарах. Это вам надо меня благодарить.

Он смотрел на нее, она – на него. Ненависти во взглядах не было, что в этой ситуации можно было считать большим плюсом.

– Надеюсь, у вас найдется комплект чистого белья? И вы не будете брать штурмом душ, пока я готовлюсь отойти ко сну?

– Не о чем волноваться. Отойдете по полной программе, – он взял быстро опустевшую сковородку и пошел к раковине.

– Никогда бы не подумала.

– Я тоже.

* * *

В частном доме на окраине Заводского района в первом часу ночи все еще горел свет.

– Димочка, он умер, Димочка. Ты говорил, что ничего не случится, – она стояла перед ним и размазывала тушь. – Я погубила человека. Что мне теперь делать?

– Молчать, – молодой человек небольшого роста, чья поросшая жесткими черными волосами голова напоминала кочан капусты, вытаращил глаза. – Никому ни слова. Его могли просто убрать. И ты здесь вообще ни при чем. И не надо нагнетать страсти. Давай, – крепкая пятерня очертила в воздухе дугу, – лапочка, я по тебе соскучился.

Она послушно стала снимать с себя одежду. На пухленьком симпатичном личике не отразилось никаких эмоций.

Раздеться перед мужчиной для Веры было так же просто, как выпить стакан сока.

– Может, все обойдется? – спросила она, ложась на кровать, застланную малиновой простыней.

– Тебе абсолютно не о чем волноваться. Ну-ка, киска, раздвинь ножки...

* * *

Как ни странно, Дарья выпалась и утром чувствовала себя очень даже ничего. Вошла на кухню, поздоровалась.

– Результат экспертизы будет к двенадцати, – сообщил Сергей Петрович. – Ждать осталось всего ничего.

– Я не преступница, – Дарья надула губу. – У вас просто талант портить и без того испорченное настроение, – она развернулась и пошла умываться, а когда появилась снова, не удержалась от критики: – Вы одними яйцами питаетесь?

На сковородке снова хлюпала яичница.

Лиховцев пробежался по ней сверху вниз и обратно. От Дарьи, несмотря на передряги, веяло свежестью.

– Я об этом не задумывался. Мы скоро выходим, так что поторопитесь.

Бабульки, возвращающиеся домой с пакетами молока и хлебом, особо чинно поздоровались с капитаном.

– Ну вот, теперь молва разнесет весть о том, что у вас появилась женщина, – подметила Дарья, ступая рядом.

– Неверно. Скажут, что у него снова появилась женщина.
– Точно. Я смотрю, вы не слишком голодны. Среди ночи на меня не бросались.
– Да и вы тоже меня не дразнили. Значит, и у вас все хорошо.

* * *

Когда они вошли в уже знакомый Дарье кабинет, там было человек пять. Все разных габаритов, но примерно одного возраста. Ровесники Даниловой, кто в форме, кто в штатском, как по команде, повернули головы, после чего не поленились оторвать от стульев задy. Дарья поняла, что Лиховцев для них начальник.

– О-о-о! – раздалось с разных сторон.

Капитан остановился посреди кабинета.

– Молодые люди, все вон! – в его голосе не было злости, просто Петрович по-отечески выгонял всех в шею. – Советование у меня через десять минут. Костин, найдите Варенова!

Дарья так и не поняла, кто из них Костин. Кто-то бросил: «Есть». Дальше можно было слышать лишь топот ног.

Не успел капитан докурить вторую за утро сигаретку до середины, а в кабинет уже вошел здоровый мужик, которого Дарья видела вчера вместе с Лиховцевым.

Мужчины поздоровались.

– Борис Гаврилыч, есть результат?

Дядя стал рассматривать Дашу, которая, к ее чести, выглядела весьма привлекательно.

– Как ни жаль, Петрович, но девочку придется отпустить. Ох и красива, бестия.

Дарья просто расцвела.

– Могли бы поучиться у своего коллеги, Петрович. От вас за целую ночь ни одного комплимента.

Здоровяк покосился на капитана.

– Она что, серьезно?

Капитан потер гладко выбритый подбородок. Вытащил из стола бланк, быстро его заполнил, попросил Дарью расписаться, после чего сообщил:

– Пределы города не покидать.

Встав на носки, Дада чмокнула в щеку Бориса Гавриловича.

– Ну и сухарь же ваш коллега.

Когда дверь закрылась, Варенов серьезно посмотрел на товарища.

– У нее мозги не на месте. В ее возрасте это нормально, но ты-то что делаешь? У тебя нет здесь врагов, да, Петрович? Что молчишь? Не слышу. Увести подозреваемую к себе домой. Это ведь можно очень легко подвести под служебное несоответствие.

– У меня с ней ничего не было, – стал оправдываться Лиховцев.

– Да? Очень зря, она ведь, между нами, мужиками, красавица. А было или не было, никто разбираться не будет.

– Вот я и не посадил красавицу в камеру.

– Какой ты добрый. И давно это с тобой? Заболел?

– Не надо. Если и заболел, то не смертельно. К тебе на стол я всегда успею.

– Поди, закормил девчонку яичницей.

– Откуда ты знаешь? – Тут Петрович спохватился. – Ах да. Кому, как не тебе...

Они знали друг друга уже двадцать лет.

Даша вылетела на улицу и первым делом купила себе огромную порцию мороженого.

Жизнь продолжается!

Задачки, которые задавал ей компьютер, она решала с трудом. Проходил час, а то и два, прежде чем она перешагивала с одного уровня на другой. И тем не менее позитивное движение вверх присутствовало, а большего и желать было нельзя.

Рассовав в очередной раз разноцветных тараканов по своим углам, она довольно хмыкнула и пошла на кухню взять пару кусков хлеба. Необходимо было пополнить запас сил, растроченных перед монитором.

Зазвонил телефон. Ба! Она уж и забыла, как он голос подает. С некоторым волнением взяла трубку.

«Кто это ко мне?»

– Даша? – услышала она в трубке хриловатый женский

ГОЛОС.

– Да. Кто это?

– Это мама Вити, я хотела бы с вами поговорить.

На душе сразу стало пакостно.

– Откуда вы узнали номер моего телефона? – хотелось бросить трубку и отключить аппарат.

– Мне сказали в милиции. Я их очень просила.

«Понятно, дала на лапу кому надо. Сынок неплохо зарабатывал».

– Я думала, что у вас в голове одни похороны.

– Этим занялись друзья. Не отказывайте матери. Я просто места себе не нахожу.

– Вас выписали из больницы так быстро?

– Это был всего лишь обморок.

«Всего лишь обморок».

Даша подошла к зеркалу.

«Ну, Данилова, что будешь делать?»

– Вам не с кем поговорить?

– Я хотела бы увидеть вас. Вы ведь последняя, кто общался с моим сыном.

«Черт, ну почему?»

– Где и когда вам удобно встретиться?

– Может быть, просто пройдемся? Прямо сейчас.

Дарья оглянулась на окно. На улице уже стемнело. Не очень это хорошая идея – гулять по ночам.

– Хорошо. Где будем гулять?

– Липки.

– Нет, давайте на набережной, – это было намного ближе к ее дому. Зачем куда-то ехать?.. – Подходите или подъезжайте к речному вокзалу через час.

Мать Виктора согласилась и повесила трубку.

«Если она готова ехать в любую точку города, значит, ей действительно очень надо. Посмотрим, что там поведает госпожа Иванова».

Дарья не торопясь оделась, положила в сумочку баллончик со слезоточивым газом – так, на всякий случай – и вышла на улицу. От ее дома до речного вокзала полчаса пешком. Как раз есть время прогуляться в одиночестве. Многие великие люди отмечали прелесть индивидуальных прогулок.

Вот и речной вокзал. Что-то она и не заметила, как пришла. Наверное, в этом и есть то самое, за что высоколобые полюбили бесцельное блуждание.

Местные власти наставили здесь достаточное количество мощных фонарей. Ночь сломала об них все зубы, в то время как люди и черти оставляли в целости и сохранности собственные ноги.

Дарья подошла к светящейся витрине. За стеклом были выставлены компакт-диски. Она стала разглядывать новинки.

Лидия Яковлевна не опоздала. Она приехала на такси и отпустила водителя.

«Ум-м-м, дело не на пять минут. Раз она распрощалась с

авто. Предстоит разговор. Послушаю. Согласилась ведь».

– Здравствуйте.

– Добрый вечер, Дашенька.

На Ивановой был уже знакомый Дарье длиннополый белый плащ и предусмотрительно надетая на голову шляпка. Погода не была теплой, а по набережной постоянно гуляет ветер.

– Куда пойдем? Направо? Налево?

Матери, потерявшей сына, было все равно.

– Тогда давайте направимся к мосту.

Это было выгодно Дарье – она шла в обратную сторону. В прямом смысле слова, к себе домой.

Они не прошли и десяти метров, а Иванова уже напрямую просила ее:

– Найдите тех, кто убил моего Витю. Пожалуйста... Я не верю милиции. У меня есть деньги.

Дарья пожала плечами:

– С чего вы взяли, что я способна справиться с тем, с чем не может справиться целый уголовный розыск?

– Но вы ведь занимаетесь сыском?

Они медленно шли по очищенной до асфальта дорожке и изучали друг друга, сойдясь в словесном поединке.

– У меня была пара историй, но они касались меня лично. Я никому официально не оказывала подобных услуг.

– Вот видите, – в голосе Лидии Яковлевны появилась надежда, – в вашей жизни были ситуации, когда надо было ко-

го-то найти. К тому же он очень хотел познакомиться с вами.

– Для меня не просто принять подобное решение. Если мы будем говорить с вами серьезно, то вы должны понять, что возможен и отрицательный результат. То есть я могу никого не найти, а может быть и так, что никто вообще не виноват. У меня нет результатов вскрытия. В то же время вам придется платить мне суточные, потому как я не хочу тратить свое время и рисковать жизнью за спасибо.

– У меня есть на руках заключение медиков. Я могу его показать вам. Там сказано, что Витя умер от большой дозы наркотиков.

Дарья не остановилась. Если матери действительно дали такую бумажку, то ее содержание – полная чушь. Она видела наркоманов. Человек не может сидеть, болтать, а потом – бац и умер от передозировки. Чушь какая-то. Он даже не был под кайфом.

– Вы ничего не путаете, Лидия Яковлевна?

Иванова остановилась и вытащила из кармана плаща сложенный вчетверо лист бумаги.

Дарья подошла поближе к фонарю и прочитала. Все так и есть: передозировка. Подпись – Варенов Б. Г.

– Вот видите, я ничего не перепутала.

Дарья опустила голову вниз и смотрела на квадратные носы черных сапог.

«Это лажа. Полная лажа. Кто-то хочет все замять. Лиховцев или Варенов?»

– Вы согласны?

– Что? – Дарья очнулась от размышлений.

– Я спрашиваю, вы согласны?

– Двести долларов в день плюс расходы. В случае положительного результата, то есть если преступник будет наказан, – премия в две тысячи долларов. Если вас это не устраивает, можете попытаться найти кого-нибудь еще.

– Нет, нет, это вполне приемлемо, – ровным тихим голосом вымолвила Лидия Яковлевна.

«Наверное, у меня не все в порядке с головой, – рассуждала Дарья, возвращаясь домой и шупая в кармане две тысячи задатка. – Мне и деньги-то сейчас не нужны. В банке небольшая сумма, проценты капают исправно. Но он не мог от „передоза“ умереть. Брешет медицина. Почему? Вот в чем вопрос.

С другой стороны, деньги – они как мед. А о нем лучше, чем Винни-Пух, не скажешь: только что был и уже его нет. Могу лечь на диван и лежать. Не получу премию, но и делать ничего не буду. Помурыжить клиента десять дней, потом признаться в собственном бессилии. И не жалко, Дарья, тебе бедную женщину? Почему не жалко? Жалко».

Так, рассуждая сама с собой, она добрела до подъезда.

Что ни говори, снова придется лезть в целое озеро дерьма.

Кривляясь перед зеркалом под музыку в одной маечке, Вера наслаждалась одиночеством и громкой музыкой. В правой руке – бутылка с пепси-колой, в левой – свеженькая воздушная булочка. Любуясь на саму себя, она не забывала время от времени прикладываться к горлышку бутылки. Шипучка по пути в желудок дарила несколько приятных мгновений.

Небольшой частный дом был вынужден выносить на себе гвалт музыки, вырывающейся из динамиков старенького магнитофона «Маяк». Но дом не роптал. За те восемьдесят лет, что он уже простоял на окраине Саратова, видал и не такое. Лишь бы его нынешней хозяйке было хорошо.

Скрипнула старая калитка. Но блондинка не могла слышать этого из-за грохота музыки. Она уже собралась скинуть с себя последнюю тряпочку, но вошел Дима. Узрев свою подругу в весьма приподнятом настроении, он тоже слегка улыбнулся, поднял крышку бака, где стояла вода, набираемая из колодца... Формально вода была подведена к дому, но только формально. Трубы меняют уже больше года и все никак не закончат. Дима взял алюминиевую кружку, прежде чем глотнуть водицы, хлопнул танцовщицу по упругой заднице и поинтересовался, с чего вдруг такое веселье в доме? Почему «нанайцев» слышно аж на другом конце улицы?

Вера выключила магнитофон и уставилась на крепенького мужичка, уперев руки в боки. В наступившей тишине было слышно, как пьет вернувшийся из очередного похода за деньгами Дмитрий. Кружка опустела.

– Что ты молчишь?

Она накинула на себя халат, расчесала волосы и подошла к нему вплотную.

– Дима, сегодня на работе... Я там была в последний раз. Потому что приходили менты, – она прошла на кухню и усе-
лась на старенькую лавку, сработанную без единого гвоздя, наверное, еще до Великой Отечественной, и уставилась на древнюю газовую колонку. – С меня довольно. Я больше ни к кому не пойду.

– Ты что?! – сожитель схватил ее за волосы, рванул на себя. – Сука, смотри мне в глаза. А что ты жрать собираешься? Тебя никто не подкладывает под первого попавшегося. Да ты ведь, кроме как давать, больше ничего не умеешь. У тебя нет специальности, нет работы. Вот и пользуйся тем, что мужики на тебя смотрят. Устроиться вахтершей на завод всегда успеешь. А о том, что ты не можешь, забудь!..

После такого внушения он отпустил ее.

Вера продолжала смотреть на газовую колонку.

– Знаешь, меня сегодня замучили расспросами. Я устала, мне страшно. Один урод в кожаном плаще задолбал просто.

– И о чем же он тебя спрашивал? – головастый достал из холодильника большую миску квашеной капусты и бутылку

водки.

Она неодобрительно посмотрела на него, но так и не решилась сделать замечание: не праздник ведь нынче! С чего бы это наливать шары.

– Представился капитаном Лиховцевым. Интересовался, не было ли у шефа отклонений в психике. Затем он перестал ходить вокруг да около и напрямую спросил, знаю ли я, что Виктор Валентинович был наркоман.

Он поднес рюмку ко рту и стал пить водку крохотными глотками. Это зрелище всякий раз выбивало у Веры слезу. Как он мог пить эту горечь мелкими глотками, да при этом еще причмокивать и щелкать языком от удовольствия?

– И что же ты рассказала ему о поведении господина президента?

– Сказала, что ничего не знаю, что с ним всегда все было нормально. Не отрицала, что он иногда напивался, но не более того.

– Правильно, – он поддел вилкой капусты. – Это все?

– Он долбал меня целых полчаса... За это время я, наверно, поседела, мне теперь и подкрашиваться не надо. Потом пришла его мать, сообщила, что я уволена. Прямо в глаза мне сказала, что никогда бы не подумала, что у ее сына в помощниках может быть такая женщина.

– Ладно, ты не переживай, вот тебе денежка.

Он достал пять зеленых бумажек и отдал сожительнице.

При виде денег Вера сразу забыла о неприятностях и в

мгновение ока расцвела.

– Может, и мне нальешь, – спросила весело, поглядывая на бутылку, в которой оставалось еще намного больше половины.

Он согласно кивнул головой и предложил:

– Тащи рюмку...

* * *

Дарье всю ночь снились электронные человечки, которые стреляли в маленьких паучков. Скорее всего это было следствием весьма позднего отхода ко сну и интенсивного общения с компьютером.

Умывшись утром ледяной водой, она почувствовала себя лучше. Ей казалось, что невидимые нити, пронизывающие все ее тело, стягивают расслабленный, разнежившийся за ночь организм в единое, способное к действию целое.

Через двадцать минут она уже почувствовала себя намного лучше. В голове выкристаллизовалось решение навестить-ся в гости к Варенову.

Поиски Бориса Гавриловича она начала с кабинета капитана.

Сергей Петрович поздоровался, выслушал ее просьбу и поинтересовался, а на кой, собственно, черт ей нужен Гаврилыч.

Дарья ответила по-пионерски честно:

– Мама Иванова, чисто как женщина женщину, попросила справиться у Бориса Гавриловича о том, какой наркотик убил ее сына.

– А что, разве в заключении об этом не написано? – с некоторой неприязнью спросил капитан.

– Написано, – созналась Дарья, – героин. Но, может, он принимал еще что-то?

Лиховцев взял Дарью под руку и вывел ее из своего кабинета.

– Девушка моя ладненькая, молодая и красивая. Ваш интерес к этому делу мне непонятен. Вот вам совет хорошего и иногда очень доброго человека: идите домой. Незачем ходить и отвлекать работников правовых органов от исполнения ими служебных обязанностей. А маме передайте, что ее сын стал жертвой своей собственной слабости. В его возрасте можно было оградить себя от столь пагубной привычки, как наркомания.

Дарья выслушала нотацию, поблагодарила учителя за науку и поспешила на выход.

Провожать капитан ее не стал, что было ошибкой. Данилова подошла к оперативному дежурному и справилась у него насчет Варенова.

Усатый майор через стекло дежурки оглядел верхнюю половину просительницы и нашел ее весьма привлекательной. Она поняла это, потому как его потянуло на разговор.

– Я видел вас вчера здесь.

Дарья согласно закивала головой.

– Спасибо. Так как мне найти Варенова?

– Можете его подождать, но раньше двенадцати дня его не будет.

– А если мне некогда? – она попыталась изобразить нетерпение, свойственное обычно маленьким детям, у которых переполнен мочевой пузырь.

– Тогда можете проехать на кафедру судебной экспертизы медицинского университета, он сейчас там.

Данилова вышла из отделения милиции, поправила волосы, взглянув на свое отражение в толстом стекле, и пошла к своей машине.

Поиски Варенова у нее не заняли много времени. Меньше чем через час после прощания с дежурным майором она стояла на пороге небольшой лаборатории и объясняла аспиранту – во всяком случае, данный юноша по возрасту был явно не профессором, – что она хочет видеть Бориса Гавриловича. Молодой человек был так любезен, что провел ее в небольшой закуток, где, склонясь над микроскопом, сидел Варенов.

– Здравсьте, Борис Гаврилович, – заштампованно произнесла Даша. – Я по поводу Иванова.

Он повернулся на крутящемся стуле, предложил присесть, окинул ее взглядом ценителя женской красоты и лишь после этого сообщил, что внимательно слушает.

«Какие все-таки разные люди. Один берет тебя под руку

и выпроваживает восвояси, если ты больше его не интересуешь, другой бросает всю свою работу, поворачивается лицом и собирается слушать».

– Понимаете, – начала она, собираясь с мыслями, – мать покойного была поражена тем, что написано в заключении, она никогда не думала, что ее сын наркоман.

– А что же она сама не пришла?

– Сегодня похороны.

– Ах, да-да, – согласился он. – Чаю будете? – здоровяк кивнул на электрический самовар, который уже начал тихонько посвистывать.

Дарья заверила, что хорошо позавтракала, предложила ему не стесняться и наливать себе сколько угодно.

– Я судебно-медицинский эксперт. По стечению обстоятельств подвернулся под руку Лиховцеву, и мы вместе приехали. Осмотр тела я проводил сам, вы это видели. Зрачки сужены, кожа бледная, влажная. Все то, что я вам перечислил, является первыми признаками отравления производными опия. К ним относится и героин. На теле обнаружены множественные следы от уколов. Он вводил себе много этой дряни... Кололся не реже двух раз в неделю. Проведенные анализы крови и мочи подтвердили первое предположение об отравлении наркотиком. Состояние внутренних органов таково, что не вызывает сомнений в пристрастии покойного к наркотикам, – рассказывал он, насыпая свежей заварочки и заливая кипятком маленький чайничек. – Может быть, это

и не героин, но во всяком случае дерьмо, которое он употреблял, производится из опия. Это однозначно. Для более дорогого анализа нужны средства, у нас их нет. Насколько чистым был продукт, который он потреблял, я тоже сказать вам не могу, и никто уже не скажет. В принципе, нельзя исключать примесь, оставшуюся из-за плохой очистки, это типичное предположение в подобном случае.

– Но он чувствовал себя нормально, все случилось за секунды. Разве смерть от передозировки выглядит таким образом?

Варенов размешал сахар в чашке, отхлебнул немного горяченького. На его лице отразилось мимолетное удовлетворение напитком.

– Никаких следов ядов ни в спиртном, ни на одежде покойного мы не нашли. А то, что клиническая картинка несколько странная... в жизни, девушка, всякое бывает, поверьте мне как медику. Я смотрю, вы начали копать в этом деле. Умер президент ассоциации частных товаропроизводителей Поволжья. Не простой человек. Согласитесь. У не простого человека и жизнь не простая. Вокруг таких людей всегда скапливаются проблемы – некие сгустки отрицательной энергии, образующиеся в результате того, что решение, которое принимает руководитель, впоследствии сказывается на сотнях людей. В окружении таких господ всегда водится мелкая, злая и жадная до денег рыбешка, которая хочет установить свои правила игры. Нам в том пруду делать

нечего, мы с вами даже не головастики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.